

ЖИЗНЬ И БОРЬБА СИМОНА БОЛИВАРА

Война за независимость Испанской Америки (1810–1826) – важнейший этап в жизни латиноамериканских народов. Ее успешное завершение стало отправной точкой в их суверенном развитии, способствовало созданию национальных государств, послужило началом нового этапа в развитии латиноамериканской цивилизации. Все этапы этого противоборства патриотов Нового Света с испанской колониальной системой неразрывно связаны с именем Симона Боливара, проявившего выдающиеся качества идеолога, организатора, полководца, государственного деятеля, сумевшего воплотить наиболее передовые для того времени философские и идейно-политические концепции борьбы за свободу и независимость.

Симон Боливар родился 24 июля 1783 г. в городе Каракасе в аристократической семье, предки которой обосновались в Венесуэле еще в XVI в. Знатность и материальный достаток, казалось бы, гарантировали ему безоблачную жизнь. Однако вскоре последовала череда утрат: в 1786 г. умер отец, в 1792 г. – мать, а через год – опекавший Симона дедушка.

Лишенный родительской ласки, мальчик вырос быстрее своих сверстников. Он получил хорошее домашнее образование, его учителями были поэт, филолог, юрист Андрес Бельо и автор философских и педагогических трудов Симон Родригес. Годы спустя Боливар писал о Родригесе: “Ему я обязан всем... он сформировал мое сердце для свободы, для справедливости, для великого, для прекрасного”.

Боливар с полным правом гордился своим образованием, отмечая в письме к П. де Сантандеру 20 мая 1825 г.: “Для меня были наняты лучшие учителя страны... Потом меня отправили в Европу, чтобы я продолжал математическое образование в академии Сан-Фернандо¹. Иностранным языкам меня учили лучшие учителя Мадрида”². В последующие годы главным образом посредством самообразования Боливар целенаправленно постигал мудрость европейских просветителей эпохи Просвещения: Локка, Кондильяка, Бюффона, Д’Аламбера, Гельвеция, Монтескьё, Руссо, Вольтера и др. Кроме того, по словам Боливара, он изучил и “всех классиков античности – философов, историков, ораторов и поэтов, а также всех современных классиков Испании, Франции, Италии и в значительной степени Англии”.

В мемуарах современников Боливар описывается как мужчина ниже среднего роста, худощавый, нервный, порывистый в движениях, беспокойный и властный. Все авторы обращают внимание на его выдающийся лоб, прорезанный глубокими морщинами, длинный, острый нос, глубокие глазные впадины и большие, черные, очень живые глаза. В повседневной жизни предпочитал элегантную одежду. Ему особенно нравились белый и голубой пиджаки, белые брюки и черный галстук. Носил соломенную шляпу.

Ларин Евгений Александрович – доктор исторических наук, заведующий Центром латиноамериканских исследований Института всеобщей истории РАН.

¹ Академия Сан-Фернандо – учебное заведение в Мадриде, где с 1799 по 1802 г. учился С. Боливар.

² *Боливар С.* Избранные произведения 1812–1830. М., 1983, с. 124.

Боливар никогда не курил и не позволял никому курить в его присутствии. Не пил крепких напитков вроде водки и ликеров, но во время обеда с удовольствием выпивал бокал бордо или мадеры, отдавал предпочтение остро перченым блюдам и особенно индейскому перцу ахи.

Боливар рано женился, в 1802 г., в Мадриде. Его избранницей была Мария Тереса де Торо, удивительно красивая, 22-летняя девушка. К сожалению, ей был отведен очень короткий век: через год она скончалась от желтой лихорадки. В дальнейшем революционный вихрь настолько закружил будущего Освободителя, что вся жизнь свелась к постоянной, изнурительной борьбе, в которой не оставалось ни времени, ни возможностей для каких-либо иных увлечений. И все-таки Ее Величество Женщина в июне 1822 г. вновь очаровала Боливара, теперь уже в Кито, где его войска, только что одержавшие победу, проводили парад. Он командовал им, и именно ему как победителю 24-летняя красавица Мануэла Саенс бросила лавровый венок. Он попал Боливару в лицо. Внезапная ярость к тому времени уже бывалого полководца сменилась симпатией к “покушавшейся” на него молодой женщине. Она была замужем, но с тех пор и до последних дней его жизни оказалась самой верной поклонницей Боливара.

Его путь в большую политику начался после того, как патриотическая хунта Каракаса фактически пришла к власти после вооруженного выступления в столице 19 апреля 1810 г. Вскоре она назначила Боливара председателем комиссии из трех человек, которая отправилась в Лондон с официальным приглашением Франсиско де Миранде возглавить революционное правительство. Первая Венесуэльская республика во главе с Мирандой просуществовала год (июль 1811 г. – июль 1812 г.). Постепенно Боливар становился всё более значимой фигурой: 3 июля 1811 г. – первое серьезное публичное выступление, в следующем году он получил звание полковника и был назначен командовать крепостью Пуэрто Кабельо.

Создание независимого государства еще не означало подлинного суверенитета на территории всей страны. По существу большая часть страны контролировалась испанцами и роялистами. С переменным успехом постоянно шла борьба за преобладание в той или иной провинции. После того как Ф. де Миранда попал в плен, Первая Венесуэльская республика прекратила свое существование.

Вторая Венесуэльская республика (август 1813 г. – декабрь 1814 г.) была уже в значительной степени детищем Боливара. В 1812–1813 гг. он активно участвует в боевых действиях не только в Венесуэле, но и в Новой Гранаде (сражения при Тенерифе, Плато-и-Самбрано, Момпос, Гуамаль, Чиригуана, Тамаламеке, Осанья и др.). Став одним из самых талантливых офицеров, Боливар был назначен главнокомандующим армий Венесуэлы и Новой Гранады, а также 14 октября 1813 г. удостоен конгрессом Второй Венесуэльской республики высшего воинского звания Освободителя.

Великий испанский мыслитель Мигель де Унамуно в предисловии к книге “Симон Боливар – Освободитель Южной Америки” назвал Боливара Дон Кихотом, отдавая тем самым ему должное не только как благороднейшему рыцарю, но и как борцу за, казалось бы, недостижимые идеалы.

Сравнение с Дон Кихотом правомерно, по мнению испанского интеллектуала, и потому что Боливар, как и знаменитый персонаж Сервантеса, один, без генерального штаба начинал и проводил боевые действия, для того, чтобы добиться единственно возможного и “единственно стоящего мира, мира свободы”.

Не случайно Боливар назван “нашим”. Он – потомок аристократической испанской семьи, и ему, по мнению Унамуно, присущи все черты испанской расы: “Боливар никогда не был педантом, доктором, кафедральным профессором. Он театрален и восторжен, да, да, именно так, театрален и восторжен как Дон Кихот, как его испанская каста, с ее театральностью и склонностью к изумлению... А разве кто забудет фразу почти умирающего Боливара: “Тремя самыми великими глупцами в Истории были Иисус Христос, Дон Кихот и ...я”. Некоторым эта фраза может показаться непочтительной и даже оскорбительной, по меньшей мере, в отношении Христа. Другие ее сочтут смесью одной части фантазии и двух частей реальности, однако всё это связано со скудостью

воображения недалеких людей. В духовном мире, в котором жил, творил и создавал Боливар – основатель государств, где заканчивалась реальность и начиналась фантазия, или скорее, где заканчивалась фантазия и начиналась реальность, История была легендой”³.

“Донкихотство Боливара, – отмечает Унамуно, – это любовь к славе, честолюбие, истинное честолюбие, а не зависть, не тщеславие педанта, не стремление фигляра сорвать дежурные аплодисменты, отнюдь нет, ему было чуждо это, его двигало тщеславие Дон Кихота, желание завоевать постоянную и заслуженную славу”⁴.

Для того чтобы эта мечта сбылась, судьба выделила Боливару целый континент и поставила перед ним сложнейшую историческую задачу – добиться освобождения испаноязычных народов Нового Света от господства метрополии.

Всесторонние гуманитарные знания, знакомство с новейшими для того времени достижениями в области философии и истории позволили Боливару неизменно рассматривать народы Южной и Северной Америки как полноправных субъектов всемирной истории и в прошлом, и в настоящем, и в будущем. Это была принципиально важная позиция, ибо в латиноамериканской историографии того времени точки зрения либеральных и консервативных историков на Войну за независимость оказались диаметрально противоположными. Первые считали, что с этого события фактически начинается история латиноамериканских стран, вторые полагали, что период 1810–1826 гг. перечеркнул цивилизаторскую миссию Испании в Новом Свете.

“Родина, независимость, свобода!” – под этим лозунгом проходили годы Войны за независимость 1810–1826 гг. Чередовались победы и поражения, неудачи и успехи. 15 лет героического служения, 472 боя и различного рода столкновений – таков послужной список Боливара, солдата и полководца. С его именем связано и образование ряда независимых государств Южной Америки – Боливии, Венесуэлы, Колумбии, Перу, Эквадора.

Самое чувствительное поражение Боливар потерпел в июне 1814 г. в Венесуэле. В это время главным соперником патриотов был прежде всего каудильо Хосе Томас Бовес, 32-летний испанский роялист, сумевший завоевать популярность у местных крестьян и пастухов и сплотить их в борьбе против патриотических сил. Его крайняя жестокость, граничившая с садизмом, наводила ужас не только на противника, но и на собственных подчиненных, заставляя их беспрекословно выполнять его указания. В Венесуэле в этот период существовала Вторая Венесуэльская республика, военным и политическим лидером которой стал Боливар. Страна жила в атмосфере непрекращающейся борьбы: враг был не повержен, а на какое-то время нейтрализован и время от времени наносил всё более чувствительные удары. В марте 1814 г. Бовес двинул свои силы на Каракас, однако на подступах к столице они были остановлены Боливаром. В течение двух месяцев шли бесконечные сражения, закончившиеся 15 июня тяжелым поражением патриотов. В июле войска Бовеса вошли в Каракас, и Боливару с его соратниками пришлось покинуть город. В тот период это поражение очень сильно ударило по его престижу. Достаточно сказать, что попытки Боливара сразу же добиться реванша не увенчались успехом. Многие офицеры отказались ему подчиняться, а затем объявили его изгнанным из страны. Это фиаско заставило Боливара многое проанализировать заново, поездки на Гаити и Ямайку и знакомство с условиями жизни населения этих островов убедили его, что колониализм на континенте не имеет длительной исторической перспективы. Президент Гаити А. С. Петийон не только радушно принял Боливара, но и предоставил безвозмездную помощь оружием и боеприпасами. Уверенность Боливара в окончательной победе постоянно росла.

В письме с Ямайки (“Ответ одного южноамериканца – кабальеро этого острова” от 6 сентября 1815 г.) – важнейшем программном документе Войны за независимость Боливар окончательно заявил: “Судьба Америки твердо предопределена; узы, связы-

³ Simón Bolívar libertador de la America del sur. Buenos Aires, 1944. t. 1, p. 13.

⁴ Ibid., p. 16.

вавшие ее с Испанией, порваны; престиж Испании был ее основной силой и крепко-накрепко связывал части необъятной монархии. Но то, что раньше связывало, теперь разъединяет; ненависть, внушенная нам Испанией, больше, чем океан, отделяющий нас от нее”⁵.

Боливар с присущей ему афористичностью отмечал, что острота противоречий такова, что легче соединить два материка, чем духовно примирить обе стороны. Среди тех факторов, которые объединяли, он назвал привычку к послушанию, общность интересов, знаний, религии, взаимное благожелательство, благоговейное отношение к славе предков... Однако, делал он вывод, “поведение наших угнетателей, ...умерло наше чувство симпатии, или, лучше сказать, привязанности, которая обеспечивалась всевластием наших хозяев”. Теперь, продолжал Освободитель, “пелена спала, мы увидели свет, а нас хотят снова погрузить во тьму; цепи разорваны, мы стали свободны, но наши враги опять стремятся нас поработить”⁶.

Письмо было приурочено к завершению первого этапа Войны за независимость (1810–1815). Успехи патриотов в этот период в различных уголках Испанской Америки привели в ярость возвратившегося из французского плена короля Испании Фердинанда VII, решившего любой ценой восстановить власть метрополии в восставших колониях. Представляет интерес оценка Боливаром испанского монарха в это время: “Теперь это уже не тот желанный, любезный король, которого так восхваляла и превозносила до небес Испания; теперь это простофиля и тупица Фердинанд, желающий подчинить страну французскому влиянию. Некогда обожаемый идол теперь подвергается в Испании самым уничижительным насмешкам”⁷.

Боливар возвратился в Венесуэлу в марте 1816 г. на 7 шхунах. С ним прибыли 300 его сторонников, готовых к борьбе. Естественно, что этих сил было недостаточно для победы, однако он сумел восстановить к себе доверие патриотических сил страны. Более того, последние провели символическое избрание Боливара будущим президентом независимой Венесуэлы. В 1816–1818 гг. венесуэльским патриотам во главе с Боливаром удалось освободить большую часть территории Венесуэлы и 15 февраля 1819 г. вновь провозгласить независимость Венесуэлы.

Освобождение Новой Гранады (Колумбии) было связано со сложнейшими переходами через Анды, форсированием ряда горных рек, необходимостью предусмотреть вопросы безопасного перехода для 2500 солдат, которыми командовал Боливар, и несколькими сот лошадей, груженных продовольствием и боеприпасами.

К этому времени (1819) он приобрел огромный боевой опыт, усвоил многие истины ведения войны на территориях с большим числом рабов и безземельных крестьян. Многие его военные успехи в эти годы были связаны с тем, что на освобожденных территориях он часто издавал декреты об отмене рабства и наделении земель участников освободительной борьбы, приумножая тем самым свои воинские контингенты. В годы второго этапа Войны за независимость он стал всё чаще и чаще приглашать в повстанческие силы иностранных офицеров из армий тех стран, которые были дислоцированы на островах Карибского моря (Англия, Франция, Голландия), что существенно усилило армии патриотов.

Ряд побед, одержанных им в Новой Гранаде (сражение при Пантано де Варгас 25 июля 1819 г.), освобождение города Тунхи (3 августа 1819 г.), битва при Бояке (7 августа 1819 г.), по мнению многих латиноамериканских исследователей, являющихся блестящими образцами стратегии и тактики. К этой же категории успешных операций можно отнести и блестящую победу Боливара при Карабобо (Венесуэла, 21 июня 1821 г.). Ярких успехов войска под его командованием добились и в Эквадоре, особенно освобождение Кито (18 июня 1822 г.). В крупнейшей битве Войны за независимость между патриотами и роялистскими силами под Аякучо (9 декабря 1824 г.) первых возглавлял

⁵ Боливар С. Указ. соч., с. 50.

⁶ Там же.

⁷ Там же, с. 44.

любимый ученик Боливара на ратном поприще Антонио Хосе Сукре, однако план этой битвы был разработан самим Боливаром. Он заключался в том, чтобы не допустить спуска с гор армии противника и покончить с ним именно в крайне неблагоприятных условиях высокогорья.

Завершение Войны за независимость в январе 1826 г. поставило перед ним многие другие вопросы. Еще до начала этой эпопеи Боливар думал о будущем государственном устройстве “испанских американцев”, которые рано или поздно обязательно станут свободными американцами. В письме с Ямайки этому сюжету уделено много внимания. “Лично я больше, чем кто бы то ни было, желал бы создать в Америке великую нацию, которая славилась бы не столько своими размерами и богатствами, сколько свободой и доблестью. Однако, хотя я и мечтаю о самой совершенной форме правления для моей родины, я не в силах уверить себя, что Новый Свет мог бы стать в настоящий момент единой большой республикой, а поскольку это невозможно, я не смею думать об этом. Еще того менее, по-моему, пригодна для Америки единая общая монархия, ибо такой режим, не говоря о его общей негодности, нам тоже не подходит”⁸.

Практически все латиноамериканские Освободители (Х. де Сан-Мартин, Б. О’Хиггинс, П. де Сантандер, А.Х. де Сукре и др.) касались этого вопроса, однако именно у Боливара и Хосе де Сан-Мартина он нашел наиболее принципиальные оценки⁹.

Дилемма “республика или монархия” многократно обсуждалась Боливаром в переписке с известным французским мыслителем Домиником де Форт де Прадтом, более известным под именем – аббат де Прадт (1759–1837), который предлагал разделить Америку на 15–17 независимых государств, управляемых монархами. В упоминавшемся выше письме с Ямайки Освободитель всесторонне осветил этот вопрос, придя к выводу: “Я не сторонник создания американских монархий”¹⁰.

В это время он предполагал следующий сценарий развития событий. В Мексике “вначале попытаются учредить представительную республику”, государства Панамского перешейка вплоть до Гватемалы, “возможно создадут ассоциацию”, “Новая Гранада объединится с Венесуэлой”.

Боливар обладал скудной информацией о том, что происходило в Буэнос-Айресе, Чили и Перу. Признавшись в этом, он тем не менее предположил, что в Буэнос-Айресе имеется центральное правительство, “в котором главенствуют военные, пришедшие к власти в результате внутренних междоусобиц и войн с внешним противником. Такой режим непременно вырождается в олигархическую или монархическую форму правления с большими или меньшими ограничениями, название которой невозможно предугадать”¹¹.

“Если какая-нибудь республика и просуществует долгое время в Америке, то я склонен думать, что это будет Чили. Там никогда не умирал дух свободы, пороки Европы и Азии очень нескоро или вовсе никогда не запятнают права этой земли, лежащей на краю света”¹².

На его взгляд, весьма проблемной была ситуация в Перу. Фраза Боливара “Много времени утечет, прежде чем там воцарится свобода” была связана с тем, что в этой колонии было много золота и рабов. Золото, по его словам, губит всё и вся, а рабство само по себе есть гибель¹³.

В этом письме он поставил вопрос и о создании единого государства испаноязычных народов в масштабе всего континента, назвав это “заманчивой” идеей. Важно отметить и его убежденность в необходимости создания на Панамском перешейке межокеанских каналов: “Весьма удобное месторасположение между двумя великими океанами

⁸ Боливар С. Указ. соч., с. 59.

⁹ См.: Ларин Е.А. Плеяда освободителей Латинской Америки. М., 2010, с. 93–105.

¹⁰ Боливар С. Указ. соч., с. 60.

¹¹ Documentos. Simón Bolívar. La Habana, 1975, p. 59–60.

¹² Ibid., p. 60.

¹³ Ibid., p. 60–61.

со временем может сделать эту территорию мировым центром; каналы, которые ее прорежут, сократят земные расстояния, укрепят торговые связи Европы, Америки и Азии, и эта благословенная область станет собирать дань со всех четырех частей света”.

* * *

Помимо социально-экономических и политических вопросов, которые приходилось решать Боливару в 10–20-х годах XIX в., важно коснуться его религиозно-философских взглядов, ибо проблема церкви и ее места в жизни новых государств, ее значение в противостоянии либералов и консерваторов на начальном этапе формирования независимых государств играла определяющую роль.

В детские годы домашняя обстановка, для которой была характерна глубокая религиозность, склоняла юного Симона к ортодоксальной католической вере. Однако с появлением среди его воспитателей С. Родригеса ситуация в корне изменилась. Будучи атеистом и горячим сторонником французского энциклопедизма, он сумел заинтересовать своего подопечного трудами Руссо, Монтескьё и особенно Вольтера, не скрывавшего своей ненависти к католической церкви. Многие его оценки начал разделять и Боливар.

Со временем эти убеждения укрепились. Вместе с тем, став континентальным лидером национально-освободительного движения, затем главой государства, Боливар понимал, насколько велико влияние веры на широкие народные массы. Об этом свидетельствует малоизвестный фрагмент его выступления после посещения выставки в одной из колумбийских газет в 20-е годы: “Вот что такое народ! Его легковерие и невежество превращает католиков в секту идолопоклонников. Мы раздражаемся бранью в адрес язычников за их поклонение статуям, а что мы делаем сами? Разве мы, не так же, как они, восхищаемся обломками камней или грубо обработанным деревом, или остатками размалеванных тканей, которые мы только что видели? Современное состояние знаний не оставляет сомнений в отношении природы этих вещей. Рационалисты уже не спорят о принципах, догмах и мистериях тех предметов и явлений, основы которых фальшивы, так как они являются продуктом суеверий и обмана... Всё это я отмечаю как *мыслитель*, излагаемые мной идеи носят *частный характер* отдельного человека (выделено С. Боливаром. – Е.Л.). Однако как гражданин я уважаю мнения других, а как руководитель государства защищаю и буду защищать всегда католическую религию, которая является не только доминирующей, но и общераспространённой в Колумбии”¹⁴.

Подобная декларация отнюдь не свидетельствовала о том, что церковь в дальнейшем сохранит все свои позиции. Освободитель, думается, нашел наилучший подход прежде всего к религии, определив ее как “закон индивидуальной совести”, на который он не хотел посягать ни под каким предлогом. Что касается церкви, то в Великой Колумбии она потеряла только трибунал инквизиции в 1821 г. и в некоторых районах были закрыты монастыри. В последующие годы борьба в этой конфедерации шла главным образом в высших кругах политической сферы. Диктаторские формы правления, использовавшиеся Боливаром для стабилизации обстановки, вызвали резкое противодействие либеральной элиты. Не понятый и не поддержанный своими ближайшими сторонниками он вынужден был во второй половине 20-х годов опираться и на консервативные силы, в частности на церковь. Вместе с тем при редактировании Конституции Боливию Освободитель написал: “В политической конституции не должна присутствовать ни одна религия”¹⁵.

Сложный этнический состав населения Испанской Америки всегда принимался во внимание Боливаром. В оценках и расчетах он особое внимание уделял индейцам, составлявшим большую часть жителей континента. В этот период многие консервативные политики всё еще склонялись к аристотелевскому тезису о том, что общество естест-

¹⁴ Цит. по: Cova J.A. Las ideas filosóficas y religiosas del Libertador. – Boletín de la Academia Nacional de Historia. Quito, 1941, v. XXI, p. 173.

¹⁵ Ibid., 175.

венным образом делится на господ и рабов по рождению и что индейцы относятся к последним.

Боливар не только думал иначе, но даже во многом идеализировал их. “Индец, – писал он, – обладает столь кротким нравом, что желает лишь спокойствия и одиночества; он не стремится даже к тому, чтобы возглавить свое собственное племя, и уж тем паче не намерен властвовать над чужими племенами; к счастью, данный тип людей менее всего склонен к господству, хотя численность индейцев и превосходит всё остальное население. Эта часть жителей Америки служит своего рода барьером, сдерживающим амбиции других групп населения; она не претендует на власть, ибо не стремится к ней и не считает себя способной ее осуществлять, довольствуясь своим спокойствием, своим наделом земли и семьей”.

Последующий абзац свидетельствует о том, что по-видимому ставка на индейцев Боливаром и его ближайшими соратниками в Войне за независимость была довольно значительной. В сентябре 1815 г., в письме в газету “Ройал-газетт”, издававшуюся в Кингстоне, он писал: “Мы можем рассчитывать на доброжелательность и кротость гораздо более чем половины населения, ибо индейцы и белые составляют три пятых всех жителей, а если присовокупить к ним метисов, в жилах которых тоже течет кровь и белых, и индейцев, то эта цифра станет еще внушительнее и соответственным образом уменьшатся опасности, связанные с цветным населением”¹⁶.

Если бы этот прогноз осуществился, то Война за независимость продолжалась бы значительно менее 15 лет. Однако многие индейцы, испытывая монархистские иллюзии, продолжали верить “желанному” королю и не примкнули к национально-освободительному движению, а часть индейцев, например, льянерос под командованием Бовеса, воевала на стороне испанцев; дольше других были враждебны к патриотам индейцы некоторых районов Перу. Такая позиция коренного населения в определенной степени была связана и с роялистской пропагандой, запугивавшей население колоний угрожающим лозунгом: “Кто не служит оружию короля – тот предатель и дезертир” со всеми вытекающими отсюда трагическими последствиями.

В ходе Войны за независимость патриоты, добиваясь суверенитета, решали вопрос о характере конституций молодых государств. В политической практике латиноамериканских стран первой четверти XIX в. сложилась традиция делать прообразом этих конституций конституцию США. В целом ряде своих работ и прежде всего в речи в Ангостуре 15 февраля 1819 г. Боливар подробно проанализировал плюсы и минусы этой традиции.

“Я не перестаю восхищаться федеральной конституцией Венесуэлы, – заявил Освободитель, – но всё больше убеждаюсь в невозможности ее применения в нашем государстве. И мне представляется чудом, что подобная Конституция столь успешно действует в Северной Америке и не оказывается несостоятельной перед лицом первых же неудач и опасностей”. Назвав Федерацию слабой и громоздкой системой, Боливар подчеркнул, что “законы должны быть рождены тем Народом, который им подчиняется, что только в чрезвычайно редких случаях законы одной страны пригодны для другой; что законы должны соответствовать физическим условиям страны, ее климату, свойствам ее земли, ее местонахождению, величине, особенностям жизни народа; что законы должны отражать ту степень Свободы, какую допускает Конституция, учитывать религию жителей, их склонности, их жизненный уровень, их численность, род деятельности, обычаи, воспитание! Вот каким кодексом нам следует руководствоваться, а не Кодексом Вашингтона!”¹⁷

Законодательную власть, имевшую прямую аналогию с североамериканской (Палата представителей и Сенат), Боливар предложил создать подобно английскому парламенту – выборная Палата представителей и наследственный Сенат. По мнению Боливара, последний мог бы стать “сердцем” республики, громоотводом для режима в период

¹⁶ Боливар С. Указ. соч., с. 66, 67.

¹⁷ Там же, с. 81, 82.

политических бурь и волнорезом в период разгула народной стихии. Обосновывая свою идею, Боливар отмечал: “Такое нейтральное учреждение, чтобы быть объективным, не должно избираться ни правительством, ни Народом, а обладать полной свободой действий, никого не страшась и не будучи зависимым от этих двух источников власти. Наследственный Сенат как часть народа воплощает его интересы, его чувства, его дух... Сенаторы в Риме и лорды в Лондоне стали незыблемыми столпами, поддерживающими прочное здание политических и гражданских Свобод”¹⁸. Боливар считал Наследственный Сенат основой законодательной власти и фундаментом режима, однако осуществить этот замысел не удалось.

Пиетет перед Великобританией у Боливара был не только в законодательной сфере, но и в политической. В процессе организации Панамского конгресса 1826 г. Освободитель в максимально возможной форме стремился использовать международный авторитет и экономическую мощь этой страны. Написанный им в начале 1826 г. план его проведения предусматривал приглашение представителей всех республик, а также дипломатического посланника Британской империи. “Даже Священный союз, – отмечал в нем Боливар, – в своем могуществе уступит этой конфедерации, если Великобритания примет в ней участие в качестве учредителя. Род человеческий тысячу раз благословит сию спасительную лигу, а Америка, равно как и Великобритания, пожнет благой урожай”.

Боливар рассчитывал, что “новый порядок”, возникший в результате такого сближения между союзом молодых латиноамериканских государств и Лондоном, будет исключительно выгоден для Великобритании. Суть этих дивидендов он сформулировал в семи пунктах:

“1. Ее влияние в Европе будет неуклонно расти, а ее решения станут велениями судьбы.

2. Америка послужит для нее богатейшей сферой торговли.

3. Америка превратится в центр ее связей между Азией и Европой.

4. Англичане будут обладать равными правами с гражданами Америки.

5. Взаимные отношения между двумя странами со временем станут столь тесными, что между ними фактически исчезнут различия.

6. Американцы воспримут британский характер и привычки как естественное явление своего будущего существования.

7. Может случиться так, что в грядущем на Земле будет существовать лишь единое феодальное государство.

Эти помыслы занимают ныне умы некоторых американцев, находящихся на самых высоких местах. Они с нетерпением ожидают того, что на Панамском конгрессе будут заложены основы укрепления союза новых государств с Британской империей”¹⁹.

Восхищение Великобританией (простим Освободителю “единое феодальное государство” “в грядущем”) резко контрастировало с отношением Боливара к политике США, к проявлению этой страной экспансионистских планов в отношении молодых латиноамериканских государств. Латиноамериканские патриоты надеялись на помощь Соединенных Штатов – первой республики в Западном полушарии. “Мы одиноки, мы вынуждены обращаться к Северу прежде всего потому, что они наши соседи и братья. А также в связи с тем, что у нас нет ни средств, ни возможностей для контактов с другими странами”, – писал Боливар. Однако, объявив о нейтралитете, “соседи и братья” фактически встали на сторону Испании, преследуя при этом свои геополитические интересы.

В 20-е годы Боливар довольно точно предсказал основные направления территориальной экспансии США в Новом Свете. “Посмотрите внимательно на карту, – говорил он своему адъютанту генералу О’Лири. – На севере вы увидите США, нашего могучего соседа, дружба которого к нам основана на арифметике: даю тебе столько-то,

¹⁸ Там же, с. 86, 87.

¹⁹ Там же, с. 137, 138.

взамен хочу вдвое больше. Соединенные Штаты захватили Флориду, ...зарятся на Кубу и Пуэрто-Рико. Если мексиканцы позволят, то они присвоят Техас, да, пожалуй, и всю Мексику»²⁰.

В письме к нему же в 1829 г. Освободитель выразится еще более категорично: “Я думаю, что для Америки предпочтительнее было бы принять Коран, чем правительство США, будь оно даже лучшим в мире”.

Хрупкий суверенитет молодых республик мог в любой момент не выдержать экономического и политического, а порой и военного давления наиболее сильных европейских держав, в основном поддерживавших Испанию в ее многолетней кампании по удержанию колоний (да и США не оставались в стороне). В Европе, как известно, все вопросы, касающиеся международных отношений, решались в те годы в рамках Священного союза. Отсюда стремление Боливара создать “Священный союз народов”, который мог бы противостоять “Священному союзу монархов”.

Дважды он пытался практически осуществить идею латиноамериканского единства. Прежде всего он хотел добиться этого путем включения в широкую конфедерацию всех испаноязычных государств Западного полушария. Своеобразной ее моделью могла стать так называемая Великая Колумбия – созданное им государство, в которое вошли на добровольных началах Венесуэла, Новая Гранада (Колумбия), Панама и Эквадор. Оно просуществовало с 1821 по 1830 г. Кстати, термин “Великая Колумбия” не фигурирует ни в одном из документов. Это чистейшей воды изобретение латиноамериканских историков XIX в. и с тех пор он практически “легитимен”.

6 мая 1821 г. в небольшом городке Кукуте (на границе Новой Гранады и Венесуэлы) открылась сессия Генерального конгресса. Основное место в его работе заняли следующие вопросы: 1. Разработка конституции Колумбии и обсуждение вопроса о государственном устройстве страны. 2. Ратификация проекта об объединении Венесуэлы и Новой Гранады в единое государство (остальные страны присоединились несколько позже). 3. Проблема рабства.

В соответствии с принятой конституцией на конгрессе были проведены выборы президента нового государства. Им стал Симон Боливар, получивший 50 из 59 возможных голосов. Президент избирался на 4 года с возможным последующим переизбранием. Острая борьба развернулась по вопросу о рабстве. Боливар выступал за полное освобождение рабов, но натолкнулся на яростное сопротивление многих членов конгресса, бывших крупными рабовладельцами и не желавших нести убытки.

Вскоре Боливар понял, что создание “Великой Колумбии” было преждевременным. Многие факторы способствовали усилению сепаратизма: огромные расстояния, могущественные местные каудильо, несостоятельность центрального правительства, катастрофическое финансовое положение. “Я не вижу как можно примирить местные противоречия и укоротить огромные расстояния”, – с горечью писал Освободитель.

Не удалось Боливару решить вопрос о латиноамериканском единстве и на созванном им в 1826 г. Панамском конгрессе. В его планах было учреждение регулярно созываемого конгресса всех латиноамериканских государств в Панаме, т.е. в самом центре Нового Света. Там должны были концентрироваться силы для нейтрализации общей опасности, а в мирное время конгресс играл бы роль посредника и третейского судьи. Но всё осталось только в области проектов. На конгрессе присутствовали лишь делегаты Колумбии, Перу, Мексики и Центральноамериканской федерации, что разрушило планы Боливара. С грустью писал он, что был в этот момент “похож на того сумасшедшего грека, который, сидя на скале, пытался управлять проходившими мимо судами”.

“Я сделаю для Америки всё что в моих силах!” — эта фраза, произнесенная Освободителем 21 октября 1825 г., отражает глубинную суть его кипучей натуры, однако именно во второй половине 20-х годов максимализм Боливара подвергся наибольшему испытанию. Многие благородные помыслы осуществить не удалось. Острые внутриполитические противоречия сотрясали саму Великую Колумбию. Обретенная им слава

²⁰ Боливар С. Указ. соч., с. 160.

становилась его палачом. Распри, зависть и тщеславие некоторых вчерашних друзей и соратников, борьба за власть и клевета, распространявшаяся его противниками в армии, осложняли обстановку в стране и подрывали силы Освободителя.

Его обвинили в установлении диктатуры, и в ответ на это он в 1829 г. – начале 1830 г. трижды просит конгресс об отставке. После того как 1 марта 1830 г. его просьба была удовлетворена, Боливар собирался уехать в Европу, но умер на родном континенте 17 декабря 1830 г.

За неделю до кончины он обратился к народу Колумбии с политическим завещанием: “Колумбийцы! Вы были свидетелями моих усилий установить свободу там, где ранее царствовала тирания. Я трудился бескорыстно, не думая о своем благополучии и забыв о спокойствии. Я отказался от власти, когда убедился, что вы не верите в мое бескорыстие. Мои враги злоупотребляли вашей доверчивостью и растоптали всё самое святое для меня – мою репутацию и любовь к свободе. Я стал жертвой моих преследователей, которые привели меня к вратам гробницы. Я их прощаю.

Уходя от вас, хочу выразить свою последнюю волю, к чему обязывает переполняющая душу любовь к Родине. Лучшей наградой для меня будет укрепление Колумбии. Вы все должны трудиться на благо единства; народы – повинуйся нынешнему правительству, чтобы избавиться от анархии; священники – вознося молитвы к небу; военные – обнажая свой меч в защиту социальных гарантий.

Колумбийцы! Счастье Родины – мое последнее желание. Если моя смерть поможет покончить с междоусобицей и укрепить единство, я без ропота сойду в могилу”²¹.

Боливар прощался с жизнью с чувством выполненного долга перед собой, перед Родиной, перед Историей, с гордостью заявляя: “Титул Освободителя – самый высокий из тех, которые когда-либо получало человеческое достоинство”²².

В память об исторических заслугах Симона Боливара в деле освобождения латинской Америки от колониального господства в столице Венесуэлы Каракасе ему установлен в 1859 г. величественный монумент. Точной копией его будет памятник в Москве, закладка которого состоялась в октябре 2010 г. во время официального визита президента Венесуэлы Уго Чавеса. Это убедительное свидетельство того, что и в России чтут память великого освободителя.

²¹ Боливар С. Указ. соч., с. 179.

²² Vida y pensamientos del Libertador. Caracas, 1979. p. 38.